

ПРОЛОГ

Александра проснулась, когда ее темно-синяя «Шкода» пересекла осевую и вылетела на встречу. Прямо в лоб шел пригородный автобус, его фары сверкали, как рампа. Александра ослепла; автобус заорал нечеловеческим голосом, в тон ему заорал, наверное, водитель, но ругательства тонули в механическом вое. Ничего не видя, повинувшись инстинкту, Александра вывернула руль направо, потом налево. Машина, визжа тормозами, вынеслась на обочину, на брюхе съехала вниз, к реке, и замерла в полуметре от бетонной опоры моста.

Александра выключила мотор и некоторое время сидела, слушая скрипы и стоны в машине. Наверху вопили сирены на разные голоса; никогда прежде Александра Конева, а в прошлом Самохина, не засыпала за рулем.

Она посмотрела на часы: пять утра. Почти двое суток они с мужем провели на даче, занимаясь отнюдь не любовью. Начали как ответственные взрослые собеседники, знающие цену договоренности. Но разговор пошел дальше, и дипломатический лоск слетел, будто фальшивая позолота. Сперва переговорщики растеряли спокойствие, потом показную доброжелательность. Потом разошлись на время, чтобы остыть и собраться с силами. Потом начали новый раунд и почти сразу скатились к примитивной, визгливой, отвратительной сваре.

То, что брак сохранить не удастся, ясно было давно. Александра надеялась, что хотя бы развод будет ци-

визованным. Но — нет. Теперь она отлично понимала, что отдала пятнадцать лет жизни никчемному, пустому, злобному и мстительному человеку.

Не дожидаясь рассвета, она села в машину и поехала в город, и дорога успокоила ее, почти умиротворила, и странным образом внушила надежду: в конце концов, жизнь не закончена, ей всего лишь тридцать пять. Расслабившись после ужасных двух дней, она уснула моментально — сжимая руль и глядя на дорожную разметку, как на маятник гипнотизера...

Прямо в лоб шел пригородный автобус.

* * *

— Что случилось, Сашхен, где машина? Почему ты приехала на такси?!

Мама стояла в дверях своей комнаты, в халате поверх ночной рубашки, и смотрела, по обыкновению, тревожно. Она тревожилась из-за каждой ерунды, поэтому Александра никогда не говорила ей правды.

— Заглохла на трассе. Вызвала аварийку, увезли в автосервис. Не волнуйся, просто мелкая поломка. Спи.

— А что Иван? — спросила мама тоном ниже.

— Иван передавал тебе привет... Все нормально. Бойлер на даче он поменяет сам.

Александра удалилась к себе; ее тринадцатилетняя дочь Аня ночевала сегодня у подруги, это было решено заранее. Аня обожала ночевать не дома — ей было тесно в двухкомнатной квартире под присмотром сварливой бабушки и вечно отстраненной матери.

Александра села перед письменным столом и замерла, опустив голову. Смерть, пролетевшая мимо, подарила ей короткую истерику, потом эйфорию минут

на сорок, а теперь подкатывал приступ депрессии. На столе меняла картинки автоматическая фоторамка — такие были в моде много лет назад. Рамка хранила трогательные старые снимки: мама и юная Саша на море. Сашин выпускной вечер. Сашино посвящение в студенты университета. Сашина свадьба с Ваней Коновым. Саша с маленьким свертком на выходе из роддома. Мама с младенцем Аней на руках. И снова: мама и юная Саша на море...

Слайд-шоу прекратилось. Фотография замерла, не меняясь. Мама и Саша, загорелые и счастливые, позировали на кромке прибоя, бликовало на солнце море, и краснел в отдалении металлический буюк, за который заплывать строго запрещается...

Александра осознала вдруг, что за ее спиной, в комнате, кто-то есть. И поняла, что оглянуться не сможет.

— Мама, это ты?!

Нет ответа. Это не мама и не Аня. И не Иван передумал и явился с дачи. Это что-то другое, простое и невообразимое. Как дурной сон, от которого хочется спрятаться под одеяло.

— Кто это?!

— Я, — сказал за ее спиной тихий слабый голос.

Александра обернулась. В трех шагах, посреди комнаты, стояла девушка лет двадцати, в джинсах и легкой куртке, с лямками рюкзака на плечах. Волосы ее были собраны в хвост, а в огромных глазах стоял такой ужас, как если бы девушка смотрела на маньяка с циркулярной пилой.

Александра вскочила; долгих несколько секунд она не могла понять, на кого похожа визитерша. Потом сообразила, и ее будто дернуло током: эффект «зловещей долины». Девушка была страшно похожа на Сашу Самохину на четвертом курсе универа и одновременно не похожа, и нельзя было с первого взгляда

определить, в чем подвох. Прибытие внезапной юной родственницы — потрясение, небывальщина, но такое случается, и можно смириться. Прибытие двойника из прошлого, да еще такого странного, искаженного двойника...

Некоторые кошмары обходятся без чудовищ и пожаров, но от их обыденности сходишь с ума.

— Вы кто?! — крикнула Александра.

Девушка мигнула и, все больше бледнея, сделала шаг вперед. Александра попяtilась и налетела на угол стола. Девушка примирительно улыбнулась сухими губами, протянула руку и коснулась ее плеча.

У Александры закружилась голова. Прикосновение было как точка входа в другую реальность, как пробоина в борту космического корабля, сквозь которую вливается космос. Как если бы два пятна свежей краски оказались рядом, и одно из них разлилось, поглощая другое. Девушка вошла в сознание Александры, в ее память, в ее существование.

Тогда Александра выкрикнула, обороняя свой рассудок:

— Я хочу, чтобы это был сон!

Она проснулась, когда ее темно-синяя «Шкода» пересекла осевую и вылетела на встречу. Прямо в лоб шел пригородный автобус, его фары сверкали, как рампа. Александра ослепла.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

На трассе собралась пробка, мерцали проблесковые маяки и завывали сирены. Водитель автобуса почти не пострадал, темно-синяя «Шкода» разбилась в лепешку. «Тетка, по ходу, уснула за рулем», — отчетливо сказал фельдшер «Скорой». Либо Сашка, стоя на обочине в ста метрах от него, прочитала слова по губам.

Александра Конева, в прошлом Самохина, погибшая сегодня на шоссе, никогда не училась в Институте Специальных Технологий. Она жила своей жизнью, не имея понятия о великой Речи, не осознавая себя Глаголом в повелительном наклонении. Сашка не знала, завидовать той женщине или сочувствовать.

Вчера, тринадцатого января, Сашка Самохина, студентка Института, отправилась на главный в своей жизни экзамен. Теперь она стоит на обочине, трясясь от сырого ветра, и почему-то уверена, что сегодня первое сентября...

Но какого года?!

Люди вокруг посматривали на нее с подозрением. Сашка отыскивала свое отражение в первом попавшемся автомобильном зеркале — обычная девушка, без чешуи и без перьев, разве что выражение лица потрясенное, но ведь все здесь потрясены. Когда такое случается — ну вот такое, как сегодня на трассе, — каждый невольно задумывается о хрупкости собственной жизни...

«Скорая» отъехала. Тело под брезентом по-прежнему лежало на обочине, над ним курили хмурые

полицейские. Остатки машины подцепил крючком эвакуатор. Сашка хотела подойти и понимала, что приблизиться не сможет: она боится эту женщину, живую или мертвую.

Кто из них был чьей проекцией? Либо обе они были проекциями одной идеи? Погибшая Александра никогда не встречалась с Фаритом Коженниковым...

Сашка завертела головой, вглядываясь в лица людей вокруг, высматривая человека в непроницаемых черных очках. Зеваки выбирались из застрявших в пробке машин, кто-то снимал на телефон, кто-то — пассажир автобуса — утирал кровь с разбитого лица. Ни один из людей на обочине не носил темных очков пасмурным ранним утром. Может, Фарита Коженникова нет и никогда не было?!

Сашка вспомнила дикий ужас, с которым Александра смотрела на своего двойника. Нет, Фарита Коженникова нельзя отменить, он в каждом осколке текста, в каждом черновике, наброске, в любой грамматической конструкции. «Невозможно жить в мире, где вы есть», — когда-то сказала ему Сашка. «Невозможно жить в мире, где меня нет, — ответил он тогда. — Хотя смириться со мной трудно, я понимаю».

Там, на экзамене тринадцатого января, что-то пошло не так. А значит, Сашка наказана. Через минуту она снова очнется перед знакомой дверью детской комнаты, войдет и увидит Александру — себя, какой она была бы без Института. *Присвоит* эту женщину и увидит всю ее жизнь, тогда Александра в ужасе захочет проснуться и вылетит на встречу, раздастся вой и скрежет, и все повторится опять.

Сашка сдавила виски кончиками пальцев, будто собираясь загнать панические мысли обратно. Что-то

проскользнуло в их мутном потоке, здравая идея, возможно, решение, подмога, выход...

Сашка хорошо училась в Институте Специальных Технологий. Она умеет не только *присваивать* изнутри людей и предметы, но и размыкать временные кольца. Чтобы вырваться из закольцованного кошмара, надо сделать так, чтобы Александра не погибла.

От моментальной надежды у Сашки заколотилось сердце и вспотели ладони. Отойдя подальше от обочины, она поставила рюкзак на влажную от росы траву, опустилась рядом на колени, не жалея брюк, и начала торопливо шарить внутри: тетради. Конспекты по философии. Засохшая булка в пластиковом пакете. Сколько лет этой булке, откуда она взялась в рюкзаке?! Во внутреннем кармане — кошелек... почти пустой, с какой-то мелочью и талонами в столовую. Блокнот — почти чистый. Пенал с карандашами... Для того, чтобы управлять течением времени, Сашке нужны карандаши и бумага, и, конечно, все невозможные для человека умения, которым ее научили в Институте...

Сквозь толпу и пробку, сигнала, проползала новая машина — она явилась за телом. Трясаясь в ознобе, Сашка смотрела то на карандаш в своих руках, то на чистый бумажный лист.

Она умела, а теперь не умеет. Она справлялась, а теперь не справится.

Из кошмара не вырваться, ничего не изменить, Сашка заперта в безвременье. Все пойдет по кругу — ужас от встречи с двойником. Отраженный страх той женщины. Грохот и вой катастрофы. И опять.

— Я хочу, чтобы это был сон, — прошептала Сашка. Ничего не изменилось.

Пробка рядом на дороге никак не желала рассасываться, хотя разбитый автобус уже оттащили к обочине, и полицейская машина исчезла. Еще полчаса — и память о катастрофе останется только в ленте сетевых новостей, да и то уползет вниз уже к полудню, но для Сашки полдень никогда не наступит...

— Саша.

Она содрогнулась, как от удара. Обомлела. Значит, в схему ее личного ада входит еще и встреча с Фаритом Коженниковым.

— Идем, — сказал он негромко и буднично.

Куда? Это что-то новое?!

— Они говорили мне, что я сдам экзамен, — прошептала Сашка, по-прежнему не оборачиваясь. — Они говорили, что я лучшая студентка и обязательно сдам... Они...

Она заплакала и поднялась, не желая стоять перед ним на коленях.

* * *

Давным-давно была зима. Группа «А» третьего курса сидела за столами, как за партами, из приоткрытой форточки тянуло морозным холодом, а батареи шпарили так, что над ними дрожал воздух.

«Сегодня тринадцатое декабря, — говорил преподаватель Николай Валерьевич Стерх, — это означает, что до экзамена остался ровно месяц. Это время потребует от вас всех ваших сил. К сожалению, экзамен нельзя пересдавать — вам дается одна попытка...»

Фарит открыл перед Сашкой дверцу черного внедорожника. Она вспомнила, как сквозь туман, что раньше у него был молочно-белый «Ниссан»; вне зависимости от марки, Сашка всегда ненавидела садиться в машину к своему куратору.

«Сегодня я расскажу вам подробно, как будет проходить экзамен, — говорил тогда Стерх. — Это поможет вам в решающий момент не растеряться и быть готовыми к испытанию. Итак, тринадцатого января ровно в полдень мы все — группы «А» и «Б» — входим в актовый зал и рассаживаемся. Знакомимся с экзаменационной комиссией. Не волнуемся, не нервничаем...»

Сашка скорчилась на пассажирском сиденье, пытаясь не думать, чем эта поездка для нее закончится. Даже повторяющийся кошмар с гибелью двойника уже не казался таким ужасным; возможно, Сашка всей душой еще захочет вернуться в свой закольцованный бред.

Черный внедорожник объехал пробку по обочине.

«Всего заданий три, — говорил Стерх тогда, в глухом прошлом. — Первые два типовые, третье индивидуальное, подобранное для каждого в соответствии с его будущей специализацией. В процессе его выполнения вы закончитесь как человек и начнете как Слово; вы первый раз *прозвучите*, мои дорогие, а это дорогого стоит...»

Впереди показался въезд на платную трассу. Черный внедорожник прокрался через ворота с датчиками и моментально набрал ход по гладкому, как масло, дорожному полотну. Вчера было тринадцатое января — сейчас начало осени.

Что случилось на экзамене?! Сашка грызла губы, пытаясь вспомнить. Зал, однокурсники, преподаватели, старые деревянные ступеньки, канцелярские столы. Вот она получает задание... садится за стол... и наступает темнота.

— Нет, ты не помнишь, что там произошло, — Фарит Коженников наконец-то нарушил молчание. —

Не пытайся. Прими как данность: экзамен был, он состоялся.

— Мои однокурсники, — Сашка сглотнула, — они... сдали?

— Кто-то сдал, кто-то нет, — Фарит перестроился на крайнюю левую полосу. — Как обычно.

— А Костя?!

Он не изменился в лице, только чуть приподнял уголки губ. Костя сдал, подумала Сашка, иначе Фарит не ухмылялся бы так спокойно... Или нет? Почему бы просто не ответить, не сказать сейчас — «сдал» или «двойка»?!

— Напомни, что тебе обещали за провал на экзамене? — мягко осведомился Фарит, и мысли о Косте сразу вылетели у Сашки из головы. «Участь хуже смерти» ей обещали. Всем, кто не сдаст. И мотивировали таким образом к прилежной учебе.

— Так вот, ваша встреча с Александрой и ее гибель — вовсе не то, чем тебя запугивали, — сказал Фарит. — Это не стандартная расплата за провал... это вообще не расплата.

Он сидел, небрежно развалившись, на дикой скорости придерживая руль одной рукой. В его темных очках отражались, сливаясь в движении, деревья и обочины, и подернутое облаками небо. Сашка молчала, пытаясь осознать его слова. Значит, расплата еще впереди?!

— Нет, — сказал Фарит. — Я тебя выкупил, Саша.

Обочины размазывались в движении, деревья и постройки улетали назад, будто снесенные ураганным ветром.

— Я объясняю понятным тебе языком, — после паузы продолжал Фарит. — Хотя по сути, конечно, все сложнее. Выкупил — в смысле переменял участь.

Если ты немного подумаешь, то догадаешься, что и как я сделал.

Сашка открыла рот, чтобы признаться, что думать ей в настоящий момент нечем, как дохлой жабе на обочине нечем летать. И в ту же секунду вспомнила: день накануне экзамена. В камине догорали старые конспекты, бумажки, черновики. Фарит позвонил в дверь, и она первый раз в жизни не испугалась его появления: спокойная, собранная, она готовилась к экзамену, верила в свои силы и осознанно желала победы.

Тогда Фарит сказал: «Как твой куратор я официально предлагаю тебе освобождение от экзамена. Освобождение от учебы в Институте. Тебе снова будет шестнадцать лет. Все, что было позже, окажется сном и забудется».

Любой из ее однокурсников отдал бы правую руку за подобный шанс.

«Скажи: «Я хочу, чтобы это был сон», — говорил Фарит. — И проснешься на раскладушке в съемной квартире, рядом с мамой, на морском курорте. И ничего не повторится. Меня не будет. Не будет Института. Поступишь на филологию... Ну, решилась?»

Это было едва ли не самое страшное в ее жизни искушение. Из-за нахлынувших слез Сашка с трудом могла разглядеть своего куратора, а он тем временем снял темные очки — что делал только в исключительных случаях.

«Решилась, — сказала она, рыдая. — Я хочу окончить Институт. Стать частью Речи. *Прозвучать*. Я пойду завтра на экзамен».

Его глаза будто осветились изнутри, Сашка отшатнулась. «Это твое последнее слово?» — спросил он вкрадчиво. И Сашка зажмурилась: «Да».